

Он говорил торопливо и от этого слегка закашлялся, голос звучал слабо, будто без сил. Прокашлявшись, он снова строго сказал Тао Хуайнань:

— Не зови брата, а то Чи Чжидэ снова привяжется. Я подожду ещё несколько дней и вернусь, не волнуйся.

Тао Хуайнань просто сидел на корточках, не говоря ни слова.

— Слышал? — Чи Ку снова нетерпеливо спросил.

Тао Хуайнань кивнул, затем вспомнил, что Чи Ку его не видит, и сказал:

— Слышал. Почему ты кашляешь?

Чи Ку снова сказал:

— Всё в порядке, — и добавил:

— Отключаюсь, надо вернуть телефон.

Тао Хуайнань инстинктивно хотел остановить его, но не стал. Ему казалось, что есть ещё многое, что хотелось сказать, но в этом не было необходимости. Чи Ку и так знал, что он хочет сказать, и ещё назвал бы его надоедливым.

Благодаря этому звонку сердце Тао Хуайнань ненадолго успокоилось. Любые новости были лучше, чем полное их отсутствие. Этот звонок Чи Ку с чужого телефона словно снова подзарядил Тао Хуайнань, придав ему сил. Хотя нос всё ещё был заложен, а голова немного болела, по крайней мере, на душе стало не так тяжело.

Тао Хуайнань внимательно слушал каждую лекцию, боясь, что когда Чи Ку вернётся и что-то не поймёт в учебнике, он не сможет толком объяснить. Хотя, возможно, этого и не случится — Чи Ку был слишком умным, он всё схватывал.

Ведь Чи Ку был невероятно крут.

Человеческие чувства меняются. До отъезда Чи Ку Тао Хуайнань считал, что жизнь без него совершенно невыносима, просто конец света. Однако когда Чи Ку действительно уехал на такой долгий срок, хотя это и было похоже на конец света, он всё же как-то прожил это время. Даже думал, что если продлится ещё — ничего, лишь бы Чи Ку был цел и не получал побоев.

Тао Хуайнань не видел брата уже несколько дней. Вечером, когда брат Тянь И забрал его из школы, он позвонил брату.

Тао Сяодун подумал, что что-то случилось, и с беспокойством спросил, что произошло.

Тао Хуайнань ответил:

— Ничего, просто соскучился.

— Соскучился? — Тао Сяодун в трубке рассмеялся, в голосе слышалась усталость. — Я, наверное, завтра вернусь, отвезу тебя за Сяо Чи.

— Сяо Чи мне звонил, — Тао Хуайнань в трубке успокаивал брата, тоже называя Чи Ку «Сяо Чи». — У него телефон сломался, звонил с чужого. Он сказал, чтобы ты не приезжал, и был

очень строгим.

— С ним всё в порядке?

— Всё в порядке, сказал, чтобы мы не волновались, — ответил Тао Хуайнань.

Тянь И, стоя рядом, сказал:

— Я слышал, как вы ночью по телефону мило болтали. Сначала подумал, не завёл ли наш Сяонань тайком роман, послушал — оказалось, Сяо Чи.

Тао Сяодун в трубке отчитал его:

— Как это ты подслушиваешь? Не по-старшему брату. Тебе поручили присматривать за нашим ребёнком, а ты подслушиваешь наши разговоры?

Тянь И рассмеялся:

— Наш Сяонань не против.

Тао Хуайнань в тот момент, разговаривая по телефону, расплакался. Теперь, вспоминая, что брат Тянь И подслушивал, ему стало немного неловко. Он улыбнулся и ничего не сказал.

Тао Хуайнань проучился неделю один. В выходные брат заметил, что он кашляет довольно сильно, и отвёл его на капельницу на два дня.

Здоровье у Тао Хуайнань было средним, с детства слабый иммунитет, часто простужался и температурил. В последние два года, когда подрос, стало получше. У другого ребёнка обычная простуда прошла бы за несколько дней без уколов и лекарств, а у него затянулась на целую неделю. В целом не слишком мучительно, поэтому сначала и не придали значения.

Кто бы мог подумать, что после уколов болезнь разыгралась вовсю. А может, это из-за того, что Тао Хуайнань переживал за Чи Ку, плохо ел и спал, и в последнее время организм ослаб. В выходные ему было плохо два дня, и только к утру понедельника стало значительно лучше.

В понедельник утром Тао Сяодун спросил, не хочет ли он взять выходной.

Тао Хуайнань покачал головой, отрывая полоски хлеба и отправляя в рот, сказал:

— Кажется, уже совсем хорошо, нос дышит.

— Возьми с собой телефон, если станет плохо — позвони мне, — сказал ему Тао Сяодун.

— Хорошо, — Тао Хуайнань послушно кивнул.

Утром, выходя из дома, он совсем не врал — действительно чувствовал себя намного лучше, нос дышал, голова не болела. Но к обеду, сидя за партой, Тао Хуайнань почувствовал, что его начало знобить. Все окна вокруг были закрыты, но всё равно было холодно.

В полусне он чуть не выпалил смутное «Чи Ку, мне холодно». Уже начал произносить «Чи», но вдруг вспомнил, что Чи Ку нет рядом, и спокойно проглотил остальные слова, продолжая сидеть.

Голова болела, было холодно, во всём теле не было сил. Если бы Чи Ку был рядом, Тао

Хуайнань наверняка начал бы ныть и хныкать. Сейчас же он был один, и это не казалось чем-то особенным. Он вытащил салфетку, вытер нос и просидел так полдня.

Проснувшись, захотел в туалет. Вставая, почувствовал, что тело ватное. Тао Хуайнань покачал головой, решил заодно умыться. Сейчас в туалете людей мало, курильщики тоже ещё не пришли, обычно во время обеденного перерыва там никого нет.

Тао Хуайнань, держась за стену, пошёл в туалет, думая, что если завтра будет такое же состояние, то возьмёт выходной. Слишком уж плохо, лучше дома лежать, в таком состоянии всё равно ничего не усвоишь.

Когда в умывальной его внезапно дёрнули за одежду, Тао Хуайнань действительно совершенно не ожидал этого. В это время в туалете, по логике, никого не должно быть, он и не был настороже.

— Кто? — Тао Хуайнань ударился о стену, устоял и спросил.

Тот не ответил, только выдохнул ему в лицо дым.

Тао Хуайнань и так чувствовал себя плохо, а этот дым вызвал у него приступ тошноты. Подавив подступающую тошноту, он нахмурился и сказал:

— Пошёл вон.

Возможно, это слово разозлило того. Тао Хуайнань услышал насмешливый смех, а затем почувствовал, как на него выплеснули воду.

В такой ситуации он не мог увернуться, Тао Хуайнань это отлично понимал. Самое правильное — прислониться к стене и не двигаться, молча ждать, пока обидчикам надоест и они уйдут.

Однако в последнее время в нём скопилась тяжёлая подавленность. Беспокойство за Чи Ку и сегодняшнее недомогание довели его раздражение до предела, и он больше не мог сдерживаться.

— Трус, который даже заговорить не смеет, — выпалил он вперёд.

Ещё одна струя воды хлестнула его по лицу. Когда тряпка коснулась щеки, Тао Хуайнань понял, что в руках у того швабра, и, видимо, ею же его и облили.

— Можешь почувствовать своё превосходство только перед слепым, как червь, боящийся света, — голова Тао Хуайнань кружилась, он обеими руками оперся о стену сзади.

Пощёчина ударила его по лицу, тот выругался стандартным трёхбуквенным словом. Голос Тао Хуайнань не узнал — незнакомый.

Тао Хуайнань от удара повернул голову в сторону. Брови были нахмурены, но вдруг ему очень захотелось рассмеяться.

Брат и Чи Ку с детства так его оберегали, они готовы были носить его в кармане, окутывая слоями защиты. Однако из-за его увечья, в те моменты, когда они не могли его защитить, он становился совершенно беспомощным ребёнком. Только что он назвал кого-то мусором, но на самом деле сам был никчёмным.

Тао Хуайнань снова усмехнулся, облизнув побелевшие губы, и продолжил говорить:

— Ты живёшь жалче, чем швабра в твоих руках, грязный и вонючий.

По натуре Тао Хуайнань не был уж очень уступчивым человеком. Просто из-за слепоты он с детства был вынужден принимать правила выживания, предназначенные для него. Но в глубине души он оставался таким же упрямым, как все в семье Тао.

Раз уж не увернуться, то пусть бьют, хуже уже не будет.

В тот день Тао Хуайнань на словах отыгрался сполна, выплеснув через ругань накопившиеся в душе негативные эмоции. За каждое сказанное слово получал удар. Кажется, он давно не получал побоев. Когда родители были живы, отец иногда шлёпал его за непослушание и шалости. После их ухода брат никогда его не бил, брат его очень баловал.

Сознание Тао Хуайнань уже затуманилось. Его знобило, всё тело дрожало. Когда лоб ударился о стену, а затем его затащили в туалетную кабинку, Тао Хуайнань почувствовал, что задыхается от грязи.

Чи Ку, наверное, оставил бы его под душем на два часа.

В состоянии боли и озноба Тао Хуайнань подумал: если ему, подростку, от побоев такого же подростка так больно, то как же было больно Чи Ку, когда он, ещё совсем маленьким, получал от взрослого отца такие удары, что бился в конвульсиях.

У Тао Хуайнань не было сил, даже дышать было тяжело. А может, это из-за неудобной позы, в которой он сидел на корточках, и дышать было нечем.

<http://bllate.org/book/16228/1458184>